

УДК 821.134.2 (7/8)

ББК 84 (7Кол)

Г21

Серия «Эксклюзивная классика»

Gabriel García Márquez
EL GENERAL EN SU LABERINTO

Перевод с испанского А. Борисовой

Серийное оформление Е. Фerez

Печатается с разрешения Stars and Movies Copyright B.V.
и литературного агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Гарсиа Маркес, Габриэль

Г21 Генерал в своем лабиринте : [роман] / Габриэль
Гарсиа Маркес; [пер. с исп. А. Борисовой]. — Москва:
Издательство АСТ, 2017. — 318, [2] с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-086697-7

Симон Боливар. Освободитель, величайший из героев войны за независимость, человек-легенда. Властитель, добровольно отказавшийся от власти. Совсем недавно он командовал армиями и повелевал народами и вдруг — отставка... Последние месяцы жизни Боливара — период, о котором историкам почти ничего не известно. Однако под пером величайшего мастера магического реализма легенда превращается в истину, а истина — в миф. Факты — лишь обрамление для истинного сюжета книги. А вполне реальное «последнее путешествие» престарелого Боливара по реке становится странствием из мира живых в мир послесмертный, — странствием по дороге воспоминаний, где генералу предстоит в последний раз свести счеты со всеми, кого он любил или ненавидел в этой жизни...

УДК 821.134.2 (7/8)

ББК 84 (7Кол)

© Gabriel García Márquez, 1989

© Перевод.А. Борисова, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Альваро Мутису,
который подарил мне идею этой книги*

*Словно бы злой дух направляет
мою жизнь.*

Из письма Боливара Сантандеру
от 4 августа 1823 года

Хосе Паласиос, самый старый из его слуг, увидел, как он, обнаженный, с широко открытыми глазами, лежит в целебных водах ванны, и подумал, что он утонул. Хосе Паласиос знал, что это был один из многочисленных способов предаваться медитации, однако то состояние экстаза, в котором генерал лежал на поверхности воды, напоминало состояние человека, уже не принадлежавшего к этому миру. Он не осмелился подойти ближе, а только негромко позвал его, выполняя приказ разбудить генерала около пяти, чтобы отправиться в путь с первыми лучами солнца. Генерал стряхнул с себя оцепенение и увидел в полумраке прозрачные голубые глаза, взъерошенные вьющиеся волосы беличьего цвета и величавую статью своего бессменного мажордома, который держал в руках чашку макового настоя с древесной смолой. Генерал бесильно обхватил края ванны и высунулся из лечебных вод, оттолкнувшись вдруг, будто дельфин, с неожиданным для его слабого тела напором.

— Мы уезжаем, — сказал он. — И поспешим, ибо никто нас здесь не любит.

Хосе Паласиос столько раз слышал эти слова при таких разных обстоятельствах, что даже и не воспринял их как приказ, хотя кони наготове стояли в конюшнях, а приближенные уже собирались в дорогу. Он помог ему вытереться и набросил на голое тело вигоневое пончо, потому что чашка в руках генерала дрожала — так его лихорадило. Несколько месяцев назад, натягивая замшевые брюки, которые он не надевал со времен роскошных вечеров в Лиме, генерал заметил, что не только похудел, но и стал ниже ростом. Даже его нагота была другой, потому что тело стало бледным, а лицо и руки бронзовыми от неласковых ветров. В прошлом году, в июле, ему исполнилось сорок шесть, но жесткие волосы, выющиеся, как у всех жителей Карибского побережья, стали пепельными, кости постоянно ныли от преждевременной старости, и он выглядел таким изможденным, что казалось, ему не дожить до следующего июля. Однако его решительные движения принадлежали будто кому-то другому, менее траченному жизнью, — он без усталости кружил по комнате. На ходу в несколько глотков выпил настой, такой обжигающий, что едва не вздулись волдыри на языке, при этом старательно обходил темные пятна воды, капавшей с чашки на потертую циновку, покрывавшую пол, и было похоже, будто он пьет воскрешающий напиток. Он не произнес ни слова, пока часы на башне соседнего собора не пробили пять.

— Суббота, восьмое мая тридцатого года, день, когда англичане схватили Жанну д'Арк, — возвестил мажордом. — С трех часов ночи идет дождь.

— С трех часов ночи шестнадцатого века, — сказал генерал глухим от бессонницы голосом. И задумчиво добавил: — Я не слышал петухов.

— Здесь нет петухов, — сказал Хосе Паласиос.

— Здесь ничего нет, — сказал генерал. — Это земля неверных.

Они находились в Санта-Фе-де-Богота, на высоте две тысячи шестьсот метров над уровнем далекого моря, и огромная спальня с иссушенными стенами, подставленная ледяным ветрам, дующим в плохо пригнанные окна, не способствовала укреплению здоровья кого бы то ни было. Хосе Паласиос поставил бритвенный тазик с мыльной пеной на мраморную доску ночного столика, рядом со шкапулкой красного бархата с принадлежностями для бритья из позолоченного металла. Переставил подсвечник со свечой на консоль около зеркала, чтобы генералу было достаточно светло, и подвинул жаровню, чтобы согреть ему ноги. Затем дал ему очки с квадратными стеклами в тонкой серебряной оправе, которые всегда носил для него в кармане жилета. Генерал надел их и побрился, ловко орудуя как правой, так и левой рукой, потому что с рождения владел одинаково хорошо обеими руками, и это было удивительно для человека, который несколько минут назад с трудом держал чашку. Он закончил бритье на ощупь, продолжая ходить по комнате, по-

скольку старался смотреть в зеркало как можно меньше, дабы не встретиться глазами с самим собой. Потом выщипал волосы в носу и ушах, почистил великолепные зубы угольным порошком, орудуя щеткой из шелкового волокна с серебряной ручкой, подстриг и отполировал ногти на руках и ногах и, наконец, снял пончо и вылил на себя большой флакон одеколona, пошлепывая ладонями по всему телу до полной истомы. В те предрассветные часы он служил свою ежедневную мессу чистоте более истово и яростно, чем всегда, пытаясь очистить тело и дух от двадцати лет бесполезных войн и горького опыта властвования.

Последней, кто нанес ему визит прошлой ночью, была Мануэла Саенс, опытная воительница из Кито, которая хоть и любила его, но на смерть за ним не пошла бы. Как обычно, она явилась проинформировать генерала о том, что произошло за время его отсутствия, ибо достаточно давно он не верил никому, кроме нее. Ей он отдал на хранение свои не слишком дорогостоящие реликвии, вроде нескольких ценных книг и двух чемоданов личных архивов. Накануне, когда они коротко и сухо прощались, он сказал ей: «Я очень люблю тебя и буду любить еще сильнее, если сейчас ты проявишь еще больше благоразумия, чем всегда». Она выслушала это, как и все прочие слова, которые ей приходилось слышать на протяжении восьми лет пламенной любви. Из всех, кто его знал, она была единственной, кто верил: на этот раз он действительно

уходит. И она же была единственным человеком, у кого по крайней мере была веская причина надеяться, что он вернется.

Они не собирались еще раз увидеться перед отъездом. Но донья Амалия, хозяйка дома, подарила им это скоротечное последнее свидание и велела войти Мануэле, одетой для верховой езды, через калитку скотного двора, посмеиваясь над предрассудками добропорядочного местного общества. Не потому, что они были тайными любовниками — они ни от кого не таились, чем уже вызвали общественное возмущение, — просто донья Амалия изо всех сил берегла доброе имя своего дома. Он и сам осторожничал не меньше и потому велел Хосе Паласиосу, чтобы тот не закрывал дверь в соседнюю комнату, через которую обязательно должна была проходить прислуга и где гвардейцы охраны играли в карты еще долгое время после того, как кончился визит.

Мануэла читала ему целых два часа. Она была молодой еще совсем недавно, как вдруг ее тело начало опережать возраст. Она курила флотские самокрутки и душилась вербеновой водой, которой пользовались военные, носила мужское платье и жила среди солдат, но ее хрипловатый голос еще вполне годился для любовных сумерек. Она читала при скудном свете свечи, сидя в кресле, хранившем воинственный герб последнего вице-короля, а он слушал, вытянувшись на кровати лицом вверх, одетый не по-военному, ибо был дома, укрытый

вигоневым пончо. Только по его дыханию можно было определить, что он не спит. Книга называлась «Слухи и сплетни, ходившие в Лиме в изящном 1826 году», перуанца Ное Кальсадила, и она читала ее с театральным пафосом, который так удачно соответствовал стилю автора.

Весь последующий час в спящем доме не слышалось ничего, кроме ее голоса. Но вдруг после ночной проверки постов послышался громкий смех нескольких мужчин, который переполошил сторожевых собак. Он открыл глаза, скорее заинтересованный, чем обеспокоенный, и она опустила книгу на колени, заложив страницу пальцем.

— Это твои друзья, — сказала она ему.

— У меня нет друзей, — ответил он. — А если какие и остались, то ненадолго.

— Но они там, на улице, охраняют тебя, чтобы тебя не убили, — сказала она.

И генерал узнал о том, о чем уже знал весь город: на него и раньше несколько раз покушались, и его сторонники охраняли дом, чтобы помешать следующим попыткам. Передняя и коридоры вокруг внутреннего садика охранялись гусарами и гренадерами-венесуэльцами, которые дойдут вместе с ним до порта Картахена-де-Индиас, где он должен будет погрузиться на какое-нибудь парусное судно, направляющееся в Европу. Двое из них разложили походную постель прямо поперек главного входа в спальню, а двое продолжали играть в карты в соседней комнате, даже когда

Мануэла перестала читать, однако времена были такие, что ни в чем нельзя было быть уверенным среди воюющих людей непонятного происхождения и с самыми разными характерами. Нимало не встревоженный плохими вестями, он движением руки велел Мануэле продолжать чтение.

Он всегда относился к смерти как к неизбежному профессиональному риску. Во всех своих войнах он постоянно подвергался опасности, но не получил ни царапины и действовал под перекрестным огнем с таким немислимым спокойствием, что даже его офицерам пришлось согласиться с простым объяснением: что он, видимо, неуязвим. Он остался невредимым после многочисленных попыток убить его, а несколько раз ему спасало жизнь то, что он не ночевал в своей кровати. Он ходил без охраны, ел и пил без всякой осторожности, что бы и откуда ему ни было предложено. И только Мануэла знала, что его безразличие — не бездумность или фатализм, а грустная уверенность в том, что он умрет в своей постели, нагой и сырый, ни от кого не слыша благодарности и утешения.

Единственным заметным изменением в ритуале бессонных ночей было то, что вечером накануне выступления он не принял горячую ванну перед сном. Хосе Паласиос приготовил ее заблаговременно, с лечебными травами, чтобы восстановить его силы и смягчить кашель, и поддерживал нужную температуру на тот случай, если генерал вдруг

захочет принять ванну. Но он не захотел. Проглотил две слабительные пилюли от своего обычного запора и приготовился подремать под убаюкивающий рассказ о галантных приключениях в Лиме. Вдруг, без всякой видимой причины, у него случился приступ кашля, от которого, казалось, до основания сотряслся дом. Офицеры, игравшие в карты в комнате по соседству, прервали игру. Один из них, ирландец Белфорд Хинтон Вильсон, просунул голову в спальню, будто его кто-то позвал, и увидел генерала, лежащего поперек кровати вниз лицом, — у него выворачивало внутренности. Мануэла держала его голову над тазиком. Хосе Паласиос, единственный, у кого было право входить в спальню без стука, ни на секунду не покинул свой пост у изголовья кровати, пока не прошел приступ. Но вот генерал, на глазах которого выступили слезы, глубоко вздохнул и показал на ночной столик.

— Все из-за этих похоронных роз, — сказал он.

Так было всегда, ибо всегда находился неожиданный виновник его несчастий. Мануэла, которая знала его лучше всех, сделала Хосе Паласиосу знак, чтобы он унес вазу с увядшими туберозами, поставленными утром. Генерал снова вытянулся на постели, закрыв глаза, и она возобновила чтение в той же манере. И только когда ей показалось, что он уснул, она положила книгу на ночной столик, поцеловала его в горячечный лоб и прошептала Хосе Паласиосу, что с шести утра будет ждать его, чтобы увидеться в последний раз, в местечке под

названием Куатро Эскинас, там, где начинается королевская дорога на Онду. Потом закуталась в простую деревенскую накидку и на цыпочках вышла из спальни. Тогда генерал открыл глаза и сказал слабым голосом Хосе Паласиосу:

— Скажи Вильсону, чтобы проводил ее до дома.

Приказ был выполнен вопреки воле Мануэлы, которая считала, что сама способна постоять за себя лучше, чем это сделает отряд улан. Хосе Паласиос прошел с ней до скотного двора, освещая дорогу через внутренний садик с каменным фонтанчиком посередине, вокруг которого начинали распускаться первые утренние туберозы. Дождь перестал, и деревья больше не стонали от ветра, но на заледенелом небе не было ни единой звезды. Полковник Белфорд Вильсон шел по коридору, повторяя пароль часовым, сидевшим на циновках. Проходя мимо окна главной комнаты, Хосе Паласиос увидел хозяина дома, который угощал кофе нескольких своих друзей, гражданских и военных, собиравшихся бодрствовать до начала отъезда.

Когда он вернулся в спальню, то услышал голос генерала — тот бредил. Несколько бессвязных фраз, смысл которых соединялся в одну: «Никто ничего не понимает». Генерал метался в горячечном жару и испускал тяжелые зловонные газы. Сам он не знал на следующее утро, говорил ли он во сне или бредил наяву, он ничего не помнил. Он называл это: «Мои приступы безумия». Они уже никого не пугали, поскольку он страдал ими вот

уже четыре года, и ни один врач не брал на себя смелость найти этому хоть какое-нибудь научное объяснение, а на следующий день генерал возродился из пепла и был полностью в здравом уме. Хосе Паласиос укрыл его одеялом, оставил зажженную свечу на мраморном столике и вышел из комнаты, неплотно прикрыв дверь, чтобы сторожить его сон из соседней комнаты. Он знал, что генерал может прийти в себя в любую минуту, когда наступит рассвет, и окунется в стлую воду ванны, чтобы восстановить силы, растроченные на ужасы ночных кошмаров.

И вот каков был финал одного из трудных дней походной военной жизни. Гарнизон из семисот восьмидесяти девяти гусаров и гренадеров восстал под предлогом того, что им не выплачивали жалованье уже три месяца. Истинная причина была в другом: большинство из них были венесуэльцы, и многие участвовали в освободительных войнах четырех народов, но в последние недели они столько раз подверглись оскорблениям и провокациям на улицах города, что у них были все основания бояться за свою судьбу после того, как генерал покинет страну. Конфликт был улажен с помощью оплаты соборований и выплаты тысячи песо золотом вместо семидесяти тысяч, которых требовали восставшие, и в сумерках эти последние потянулись на родную землю, а вместе с ними толпа женщин, увешанных пожитками, с детьми и домашней скотиной. Грохот военных барабанов и медных

труб не мог заглушить крики толпы, которая науськивала на них собак и бросала гирлянды шутих, чтобы сбить им шаг, — так не поступали даже с вражеской армией. Одиннадцать лет назад, когда закончилось долгое трехвековое испанское владычество, свирепый вице-король дон Хуан Самано удирал по этим самым улицам, переодевшись странником, но увозя с собой баулы, набитые золотыми идолами и необработанными изумрудами, священными туканами и витражами со сверкающими бабочками из Мусо, и не было ни одного человека, который бы оплакивал его с балкона, или кинул бы ему цветок, или пожелал бы ему спокойного моря и счастливого пути.

Генерал тайно участвовал в улаживании конфликта, не выходя из дома, который он арендовал и который принадлежал министру армии и флота, и в конце концов послал с мятежным войском генерала Хосе Лауренсио Сильву, своего преданного политического последователя и помощника, которому очень доверял, послал как залог того, что до самой границы с Венесуэлой не будет никаких беспорядков. Он не видел с балкона, как уходило войско, но слышал звуки рожков, барабанную дробь и шум толпы, собравшейся на улице, — выкрики до него не долетали. Он настолько не придавал этому значения, что даже не оторвался от просматривания, вместе с писцами, запоздавшей корреспонденции и продиктовал письмо Великому Маршалу дону Андресу де Санта Крус, прези-